

На правах рукописи

Смоляк Ольга Алексеевна

**Европейский дискурс *другого*:
культурологические модели ориентирования человека в
современном жизненном мире**

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Пермь 2004

Работа выполнена на кафедре культурологии Пермского государственного технического университета

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Н.З.Коротков

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор Т.Х.Керимов;
кандидат философских наук, доцент М.Ю.Гудова.

Ведущая организация: Институт социальной и культурной антропологии
Государственной академии славянской культуры (г.Москва)

Защита состоится «___» _____ 2004 года в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.08 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук, доктора культурологии, доктора искусствоведения в Уральском государственном университете (620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, к. _____).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета

Автореферат разослан «___» _____ 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Л.С.Лихачева

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Культура общества, пребывающего в состоянии фундаментального прорыва, обладает особой притягательностью для гуманитариев. Новый мир проверяет на излом и на прочность философскую традицию. Генеральная установка современного философского поиска выражается, прежде всего, в преодолении постметафизической философии XX века, восходящей к картезианской модели сознания. Переживает кризис и инициированная Декартом философская рациональность.

Новые тенденции в устройстве социокультурного мира наиболее ярко проявляются в урбанистической среде. Современная ситуация, в целом, показывает возможность и необходимость возрастающей индивидуализации. Город как доминирующая среда обитания современного человека по-особому корректирует образ мира. Человеческое поведение в урбанистической среде, прежде всего в силу ее искусственности, опирается на сознательное конструирование реальности. Предоставляя большое количество альтернатив, городская среда, в целом, содержит ряд типичных ситуаций. От человека требуется, следовательно, выработать сознательную стратегию поведения в каждом типе ситуаций и, предполагая их вероятностный набор, выстроить алгоритм поведения. Поведение выступает запланированным ответом, которого потребует ситуация. Осознанное конструирование реальности увеличивает значимость процесса приобретения социального опыта и его трансформации в запас знания. Создание субъективного мира на основе запаса знания выступает условием обоснования личной независимости и способности к высокой степени саморегуляции.

Основные привычки, представления и ценности, как средства ориентирования, обеспечивают жизненную устойчивость лишь на некоторое время. Динамичное изменение мира, окружающего человека сегодня, диктует постоянное обращение к осмыслению ориентиров поведения. Между тем, индивидуальное, а зачастую и групповое, сознание не поспевает за всеми изменениями картины мира. Внутренние конфликты человека, вызванные трудностями адаптации и ориентации в мире культуры, показывают, что стратегии поведения не являются необходимо гармоничными, непротиворечивыми.

Явление воспринимается как проблема, когда человек осознает нехватку чего-то. Современный человек осознает себя дезориентированным и отчужденным в пространстве культуры. Попытка преодоления отчуждения на уровне рефлексии, выполненная в рамках философской и социологической традиции, представляется недостаточной. Можно обозначить мультиплицирующуюся потребность в культурологическом анализе философского дискурса, отражающего и выражающего состояние общества, конфликтность культурной среды, связанную с высокой социокультурной динамикой. Историческая ретроспектива позволяет обнаружить динамику культуры через философскую рефлексию. Поэтому представляется актуальным интеллектуальное усилие, эксплицирующее основания культурной установки, выражающей отношение человека к жизненному миру, что позволит прояснить ориентиры его деятельности.

Объектом исследования является европейская гуманитарная философская традиция XX века, формирующая образы мира современного человека, его культуру.

Предмет исследования – выявленные в европейской философской традиции культурные установки и координаты, ориентирующие поведение человека в жизненном мире.

Степень изученности темы. Проблема соотношения философского дискурса и праксиса является одним из доминирующих направлений в истории философии.

В европейской традиции появление этого сюжета приписывают Аристотелю. «Никомахова этика» содержит систематическое изложение принципов, которыми должно регулироваться поведение благопристойных граждан.

С начала XVII века почти каждый серьезный шаг в интеллектуальном процессе должен был начинаться с нападков на какую-либо аристотелевскую максиму. В Новое время поставленная проблема становится маргинальной относительно онтологической тематики в целом.

Общая установка на влияние философии на практическую жизнь людей существенно обновляется Просвещенческим проектом. Вера в человеческий разум, провозглашение безапелляционного торжества науки над средневековой схоластикой, стратегия переустройства общества на разумных основаниях направлены та то, чтобы подчинить идеальному разумному началу и общественный строй, и жизнь людей (общественные нравы и обычаи).

Философский дискурс производит основные высказывания проекта: «естественное право», «общественный договор», «просвещенный абсолютизм», «разумный эгоизм». Теории Т.Гоббса, Ж.-Ж.Руссо основываются на убеждении, что граждане, избавившись от сословного строя, добровольно должны ограничить свои права и свободу в пользу государства, или суверенного народа. Возникшая идея новой гражданственности требовала дисциплинирования индивида; моральный долг стал тождественен гражданским обязанностям. «Естественный закон», понимаемый как стремление к самосохранению и удовлетворению потребностей, выступает основой нравственности. Идеям христианско-религиозной морали противопоставляются идеи эмансипации личности, раскрепощения от религиозных, сословных и иных ограничений.

Как оппозиция схоластической установке провозглашенные правила морали основывались на здравом смысле. Проект Просвещения рассматривал идеальное общество как общество, максимально приближенное к природе. И, в то же время, свобода и поведение соотносились с высшей инстанцией: человек свободен делать то, что хочет, но вынужден делать то, что желает Бог.

Новая культурная ситуация складывается на рубеже XIX-XX вв. Множество столкновений – европейской культуры с азиатской и африканской, культуры образованных классов с культурой масс – становятся дополнительным источником философской рефлексии. В контексте культуркритики происходит окончательное размежевание наук о природе и наук о духе. Новое направление, представляющее переосмысленную интерпретацию учения Канта, видит философию нормативным учением, основанным на оценочных суждениях, на познании должного. Система философии содержит надисторические взаимоотношения ценностей.

Э.Кассирер, Г.Риккерт, В.Вильденбанд признают конечной целью исторического процесса самоопределение человечества в соответствии с «этическим идеалом». Обладая культурным содержанием и благодаря особой роли в обществе, ценности должны быть отделены от побуждений, базирующихся как на природных инстинктах, так и на сиюминутных человеческих прихотях. Ценности (истина,

красота, надличностная святость, нравственность, счастье, личная святость) понимаются как априорные, трансцендентальные, общезначимые.

Современное состояние проблемы. В современной литературе тема соотношения философского дискурса и праксиса рассмотрена в разных философских направлениях и школах.

В рамках *аксиологического направления*, доминирующего в отечественной литературе, могут быть представлены обобщающие историческую и теоретическую проблематику работы М.С.Кагана, в которых последовательно проводится идея о непрерывном воспроизводстве в пространстве культуры бытия ценностей. Ценности выступают не как нечто, находящееся в трансцендентальном субъекте или в трансцендентном мире. Они всегда воспроизводятся в живом бытии общественного человека. Автор различает ценностное и утилитарное отношение социализированного индивида к культурной действительности. Он выделяет особый класс ценностей – экзистенциальных, – образуемых в диалогичности внутреннего мира человека и связанных с процессом осознания смысла.

Аксиологическим проблемам, включая определение специфики ценностного отношения, посвящены работы Г.П.Выжлецова, Н.З.Короткова, В.С.Поросенкова, Ю.Б.Борева, Д.А.Леонтьева, М.А.Киссея, В.П.Тугаринова, Г.Л.Тульчинского и др. Здесь ценность выступает идеальной моделью, на которую направлено человеческое действие, трансцендентальной целью. Поведение людей объясняется нормами как категорическими императивами. Отдельно необходимо назвать работу Л.Ф.Новицкой, предметом которой является диалектика отношений «Я» и «Другого». Автор решает проблему раскрытия механизмов и путей становления человека как существа нравственного. Становление при этом рассматривается не в виде процесса интериоризации человеком одобренных обществом норм морали, а в виде пути самосозидания субъекта автономной нравственной воли, интенционально устремленной к реализации добра как истины в контексте взаимоотношений «Я» и «Другого»¹.

Широкое культурологическое видение духовного в бытии выражают работы М.М.Бахтина, А.Ф.Лосева, С.С.Аверинцева, В.С.Библера, М.К.Мамардашвили, в строгом определении выходящие за рамки аксиологического подхода. Авторы выражают идеи единства и преемственности духовной культуры, диалогического характера культуры, экзистенциально-смыслового содержания культурного творчества.

Социологическое направление больше представлено зарубежными авторами. Идея о том, что философия задает человеку ориентиры поведения активно разрабатывается феноменологическим движением в социологии. Эвристический потенциал идей Э.Гуссерля был развит А.Щюцем, Г. Гарфинкелем, А. Сикурелом. Авторы отстаивают позицию, согласно которой социологии надлежит выявлять не нормы и правила, но процедуры, посредством которых определенным высказываниям приписываются значения. В связи с этим сама проблема значения встает как проблема метода, а не содержания, и основным выступает вопрос о том, как люди приходят к согласию. Феноменологическая социология описывает ретроспективно-перспективный характер генезиса значений. В жизненных ориентациях индивида

¹ См.: Новицкая Л.Ф. Проблема нравственного самоопределения в пространстве интересубъективности, - Велик. Новгород: Нов.ГУ им. Ярослава Мудрого, 2000. С.9.

всегда присутствует как его прошлое, так и история ушедших поколений, осмысление опыта. Моделирование настоящей и будущей деятельности основывается на естественной установке, схематизирующей опыт в запасе знания. Истолкование мира осуществляется по правилу типизации опыта. Идеализация непрерывности мира выделяет основные мотивы социального действия: «для-того-чтобы», «потому-что». Переживание типичных ситуаций позволяет планировать действия на основании установки «Я-могу-это-снова» и накапливать успешный опыт.

В соответствии с веберинской дефиницией социального действия в социологии появляется ряд концепций, авторы которых полагают, что человек осваивает мир через символические значения; язык позволяет понимать других и вступать с ними в коммуникацию; принятие роли другого является необходимым условием идентичности как способности смотреть на себя со стороны. Ярким примером таких теорий является символический интеракционализм (Дж.Мид, Ч.Кули), театральное действие (И.Гофман), коммуникативного действия (Ю.Хабермас).

Социология знания, представленная К.Манхеймом, П.Бергером, Т.Лукманом, отстаивает идею о том, что в самонаблюдении человека участвует планирующий рассудок. Типы поведения определяются механизмами подражания, повторения и табуирования; в своей эволюции они сменяют стадию естественного отбора стадией планирующего вмешательства. Планирование связывается с таким видом деятельности, при котором человек и общество переходят от целенаправленного изобретения отдельной вещи или отдельного института к целенаправленному регулированию и обдуманному господству над теми связями, которые действуют между этими изобретениями единичными феноменами реальности. Реальность, с одной стороны, объективна и имеет принудительную власть над поведением индивида, но, с другой стороны, она конституируется самим индивидом (в том числе по канонам театрального представления). При помощи известных символов и исполнения разученных ранее ритуалов, человек интегрирует себя в социокультурную реальность.

Психологическое направление философского дискурса при изучении поставленной проблемы вызывает интерес в двух аспектах. Первый, связанный с продолжением фрейдистской традиции, – в свете обоснования причин кризиса идентичности, понимаемой как дисгармония между «Я» и социальным «Я». Этот аспект представлен широкой панорамой исследований зарубежных авторов: Ж.Лакан, Э.Эриксон, Р.Лэнг, Л.Бинсвангер, Э.Берн и др.

Другой аспект, принадлежащий отечественной философской традиции, связан с пониманием ориентирования поведения человека в системе воспитания и обучения. Здесь речь идет, прежде всего, о теории Л.С.Выгодского, которая имеет глубокие связи с марксизмом; отражает стремление к справедливому и гуманному жизнеустройству, представления о «хорошем обществе», как о сфере свободного развития и раскрытия творческих сил человека. Согласно его теории, рефлексивная образовательная практика позволяет понять механизм интериоризации всеобщего культурного опыта в индивидуальных способностях. В основе представления о том, что человек получает образование через рефлексию, которую в нем можно сознательно выработать, лежит термин ориентировочной деятельности. Школа, по Выгодскому, должна создавать условия для превращения спонтанной и непосредственной активности ребенка в опосредованное культурой поведение, в

деятельность. Идеи Выгодского были продолжены его учениками А.Н.Леонтьевым, Д.Б.Элькониным, В.В.Давыдовым.

Рассмотрение проблемного поля темы влияния философского дискурса на поведение человека в сфере культуры позволило установить тематический набор исследовательских практик, обнаружить разные варианты подходов к ее решению. Необходимо обратить особое внимание на анализ постмодернистского философского дискурса. В работах Н.С.Автономовой, А.В.Гулыги, Б.Гройса, И.П.Ильина и др. прослеживаются заявления собственной позиции в рамках дискуссии об определении постмодернизма (уже закончившейся в западной историографии); соотнесение идеи прорыва с реалиями российской действительности. Исследования М.К.Рыклина, В.А.Подороги, В.Н.Фурса выполнены на языке, выработанном постмодернистским дискурсом. Для этих авторов постмодернизм является ситуацией реальности. В их работах рассматриваемая тематика согласуется с требованием обновления методов исследования.

Тем не менее, проблема ориентирования практически не попадает в фокус внимания исследований. Понятие ориентации не часто употребляется и не отрефлектировано в культурологии. Эту задачу ставит перед собой философия ориентации, представленная В.Штегмайером, Б.Вандельфельсом и Б.В.Марковым. Новое направление в философии, взявшее за основу феноменологический метод, придает географическому понятию ориентации дополнительный философский потенциал, из которого могут быть в определенной мере выведены и поняты основные черты постмодернистской ситуации. В.Штегмайер возводит философию ориентации к кантовской традиции. Он полагает, что с помощью понятия ориентации можно объяснить, почему современные философские, исторические, политические дискурсы могут обойтись без принципов, и благодаря этому, оно открывает возможность менять ориентации сообразно изменению обстоятельств.

Исследовательский проект в рамках философии ориентации начинается с вопросов: Как происходит ориентация? Что дает ориентация? От чего она зависит? Каким ориентирам следуют ориентации человека, группы, народа, культуры, эпохи? Как взаимосвязаны ориентации друг с другом, чтобы они могли в кризисных ситуациях быть заменяемы друг на друга? Как надо мыслить мышление, чтобы постоянная перемена и обмен его собственных ориентиров стали мыслимыми?

Цель исследования – построить теоретические культурологические модели ориентирования современного человека в жизненном мире на основании деконструкции философского дискурса.

Поставленная цель диктует необходимость решения следующих **задач**:

- деконструировать образ индивида как эмпирико-трансцендентального существа; показать его устойчивые и повторяющиеся, отброшенные и исключенные элементы;
- установить основные ценностные аттракторы как координаты ориентирования человека в современной культуре;
- проследить развитие отношений «Я» - «другой» в европейской гуманитарной рефлексии;
- показать динамику ориентаций человека в жизненном мире на примере классической, модернистской и постмодернистской культурных эпох;
- на примере онтологии сознания Ж.-П.Сартра реконструировать картину основных проектов поведения человека в модернистской культурной эпохе;

- обнаружить стратегии ориентирования человека в европейской культуре на основе постмодернистского философского дискурса.

Методология в данном случае понимается как стратегия исследования философского дискурса. Работа опирается на общенаучные гуманитарные методы исследования культуры. В работе интерпретируются тексты, выражающие смыслы европейской культуры. Выбор методологических оснований исследования исходит из необходимости экспликации гипотетических конструкций из идей, неявно высказанных в концепциях рассматриваемых философов. Поэтому реализация замысла исследования связана со стратегией деконструкции в том виде, в каком она представлена в концепциях Ж.Деррида и М.Фуко («археологического периода»).

Деконструкция рассматривается как операция, посредством которой можно выявить структуру онтологического и эпистемологического европейского дискурса в его конкретно-исторических формах. Предметом деконструкции является текст, понимаемый достаточно широко: и как набор высказываний, и как функция определенных социальных институтов.

При помощи деконструкции выявляется актуальность некогда созданного текста, обнаруживается зависимость высказываний от социокультурной среды, иначе говоря, от множества дискурсов. Деконструировать текст означает: выявить его внутренние противоречия; обнаружить в нем скрытые и незамеченные «остаточные смыслы»; найти «логические тупики» (неразрешимости), разрывы, исключения.

Не вступая в дискуссию о различении деконструкции с критическим анализом, полагаем, что значимой является принципиальная возможность обновления метода деконструкции в зависимости от характера дискурса: его языка, содержания и формы. Настоящее исследование основано на нескольких способах деконструкции, представляющих собой методы исследования, адаптированные к изучению культурной ситуации.

Ретроспективный анализ – аналитический метод, позволяющий связать постмодернистские идеи через голову модернистской философии с новоевропейской традицией. Охватывая рационалистическую традицию в философии в целом, становится возможным выделить истоки одних идей, проследить трансформацию и отказ от других.

Можно назвать также *экземплярный анализ* – как метод, продолжающий традицию М.Фуко. Имеется в виду, что предметом рассмотрения выбирается отдельная работа отдельного мыслителя, принадлежащая к проблемным полюсам исследования. Подобный анализ позволяет представить теории Ж.-П. Сартра и Ж.Бодрийяра как показательные для своего времени.

Метод *аналитической презентации* направлен на то, чтобы систематически представить феноменологическую теорию как одну из теорий, решающих проблему ориентирования человека в жизненном мире.

Работа с источниками реализуется по правилам, выработанным в археологическом методе М.Фуко. Фуко формирует принципы археологии знания как особой дисциплины, которая изучает историю идей, наук и ментальностей, выявляя взаимодействие между различными видами зафиксированных в текстах речевых практик; взаимосвязь выявленных речевых практик с социокультурными обстоятельствами их конституирования и практикования. При таком подходе смещается фокус внимания от описания широких общностей (эпоха, век) к изучению

феноменов разрыва; направление поисков сосредотачивается на точках преломления дискурса (несовместимости, эквивалентности, сцепления).

Дискурс определяется Фуко как набор высказываний, как чистая практика. Субъектом дискурса является говорящий индивидуум. Группы высказываний (тематические, темпоральные, проблематические и т.д.) образуют дискурсивные формации.

Описание отношений между высказываниями предполагает установление в системе постоянных и устойчивых концептов вовлеченных в них групп высказываний; раскрытие дискурсивных единиц вне устойчивых концептов; группировку высказываний; описание их сцепления и выявление тех единых форм, в которых они полагаются, исходя из тождественности тем.

Источником исследования является европейский философский дискурс, выраженный в репрезентативных текстах. Философский дискурс понимается как вершина культуры и как средство раскрытия ее имплицитного содержания.

Тексты рассматриваются в контексте эпохи. Несмотря на изменения, происходящие в философии, европейская традиция является сложившимся мыслительным пространством, поэтому предпринятое на начальном этапе исследования группирование текстовых документов является условно-схематичным. В то же время, это деление представляет дискурсивные формации, которые будут находиться в фокусе внимания, и показывает основные культурно-темпоральные узлы исследования. Соответственно, тексты были разделены на три рубрики: классическая рациональность, модерн, постмодерн.

Тексты философского дискурса классической рациональности представлены работами Р.Декарта, Дж.Локка, Д.Беркли, Д.Юма, И.Канта, Г.В.Ф.Гегеля. Они предназначены для систематического описания атомарного индивида как основного высказывания и устойчивого концепта. Согласно тождественным темам, выделенным в соответствии с проблематикой исследования, в текстах выявляются предпринятые социокультурными обстоятельства запреты и отбрасывания. Исключенные речевые практики, формирующие на этом этапе философии маргинальный дискурс (представленный концептом *другого*), представляют особый интерес.

Следующая выделенная рубрика демонстрирует смещение фокуса внимания. Культурная эпоха модерна, представленная текстами Э.Гуссерля, М.Хайдеггера, Ж.-П.Сартра, М.Мерло-Понти, обращается к маргинальной теме. Этот интерес философами обнаруживается случайно, вследствие работы над преобразованиями методологических оснований центрального дискурса. Периферийная тема *другого* приковывает внимание философов. Это высказывание оформляется философской, социальной, психологической, политической проблематизацией. В настоящей работе описывается культурологическая проблематизация концепта *другого*.

В постмодернистскую культурную эпоху европейский философский дискурс демонстрирует полное включение концепта *другого*: он разбивается на группы высказываний. На примере постструктурализма (в рубрику отнесены тексты Р.Барта, Ж.Бодрийяра, Ж.Делеза, Ф.Гваттари, Ж.Дерриды, Ж.-Ф.Лиотара) описывается активное взаимодействие речевых практик концепта. Другими словами, выявляется социокультурная ситуация, в которой *другой* становится полноправным, полноценным, зрелым дискурсом. Теперь он требует четкого определения отношения к группе своих высказываний. В результате, как речевая и письменная форма он

может не проявлять себя, но его присутствие воспринимается как необходимое, директивное.

Пограничными, с рассматриваемыми дискурсивными единицами, выступают тексты К.Маркса, Ф.Ницше, А.Камю, М.Бубера, Б.Вальденфельса, Э.Левинаса, Дж.Фаулза. Без выделения пограничных высказываний невозможно проследить взаимодействие между различными видами зафиксированных речевых практик. Они показывают сцепления с концептами, которые приняты как устойчивые, и позволяют отметить трансформацию идей точек включения.

В настоящей диссертации тема ориентирования представлена как ключевая проблема современной культуры, современного философского дискурса, его характерная отличительная черта. В теме ориентирования в наиболее законченном виде выражено его качество философствования, стирающее границу между онтологическим и гносеологическим способами познания мира. Признание *другого* отменяет принципы классической рациональности.

Научная новизна исследования определяется недостаточной изученностью проблемы ориентирования человека в жизненном мире. В ходе исследования получены результаты, имеющие значимость для теоретического осмысления и прикладного решения проблемы в контексте культурологического знания, а именно:

- применен метод деконструкции философского дискурса как завершающего культурную установку явления для понимания поведенческих стратегий человека в жизненном мире;
- выявлено имплицитное содержание образа *другого* в концепции атомарного индивида;
- обнаружена динамика поведенческих стратегий в пространстве культуры, выделены ее узловые пункты: отказ от трансцендентального основания, утверждение плюральной аксиологии и принципа релевантности знания. Найден и обоснован переход от проектов поведения к ситуативным саморегуляторам;
- разработана стратегия соблазна как основного ситуативного регулятора в межличностных коммуникациях в пространстве современной культуры;
- трагичность и негативность «непонимания» в экзистенциализме переосмысливается на основе практик соблазна как глубоко позитивный по содержанию источник мультикультурности, мультисубъектности, толерантности;
- найдены смысловые разделения и запреты, содержащиеся в философском дискурсе, посвященном проблеме ориентирования человека в жизненном мире, и культурной установке, нацеленной на межличностную коммуникацию.

На защиту выносятся тезис о парадоксальном состоянии индивида в современной культуре, сознательно отказавшегося от высшей целесообразности своего поведения и потому вынужденного постоянно самостоятельно, индивидуально, ситуативно осуществлять поиск ориентиров, все время соотнося свое поведение с поведением других людей.

Практическая значимость. Проблема ориентирования представляется перспективной для дальнейшей разработки. Возможно применение результатов диссертации при создании обобщающих исследований в области современной морали. Работа может быть использована при разработке общих и специальных курсов по культурологии и социологии культуры. Отдельные положения исследования могут выступать релевантной теоретической установкой для

проектирования стратегий в тех сферах деятельности, где существует потребность учитывать ориентиры поведения человека в пространстве культуры; устанавливать коммуникативные связи.

Апробация работы. Гипотеза и prospect исследования обсуждались на третьей сессии методологического семинара кафедры культурологии Пермского государственного технического университета в марте 2003 года. Основные положения диссертации изложены в 24 статьях и материалах.

Автор принимал участие в работе над коллективной монографией «Система воспитания инженеров и специалистов в условиях модернизации образования: опыт, проблемы, перспективы», в трех интерактивных конференциях, организованных на сайте Auditorium.ru. Результаты исследования докладывались и обсуждались на конференциях городского, областного, всероссийского и международного уровней в период с 1998 по 2003 год. Например, на международном форуме «Феномен удовольствия в культуре» (СПбГУ, Санкт-Петербург, 2004), международной конференции «Векторы развития современной России» (МВШСЭН, Москва, 2003), международной конференции молодых ученых «Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы» (СПбГУ, Санкт-Петербург, 2002), всероссийской научно-практической конференции «Периферийность в культуре XX века» (ПГУ, Пермь, 2001), всероссийской ежегодной научно-практической конференции «Майские чтения» (ПГТУ, Пермь, 1998-2004), межрегиональной научно-практической конференции «Образование в культуре и культура образования» (ПГИИК, Пермь, 2003), областной конференции «Политическая культура России: в поисках консенсуса» (ПГУ, Пермь, 2002), областной конференции «Астафьевские чтения» (мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36», Пермь, 2002), межвузовской научной конференции «Переходные периоды в смене культурных эпох» (ПГТУ, Пермь, 2001), городской научно-практической конференции «Философия образования и реформа современной школы» (администрация города Перми, Пермь, 2002).

Структура диссертации включает: три главы, введение, заключение, список литературы и источников.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность работы, обозначается предмет и объект исследования, анализируется степень изученности проблемы и ее современное состояние, определяется цель и задачи исследования, раскрывается его методологическая основа, дается характеристика источников, на основе которых написана работа, формулируется научная новизна, утверждается практическая значимость.

В первой главе «Аттракторы ориентирования человека в жизненном мире» задаются аттракторы ориентирования человека в пространстве культуры. Под аттрактором понимается высказывание философского дискурса, обладающее притягательной силой, импозитивностью. Аттрактор директивен по отношению к определению правил дискурса и порядка значимости других высказываний и дискурсивных формаций. Проблема ориентирования человека в жизненном мире представлена в европейском философском дискурсе тремя аттракторами: «Я», «другой», «познание».

В первом параграфе «Концепция атомарного индивида в европейской культурной традиции» деконструируется схема представления человека о себе самом. Философия XVII в. утверждает концепцию атомарного индивида, формирующую собственный способ переживания себя и других людей, в котором «Я» признается автономной и самодостаточной сущностью. Формой выражения представления человека о себе самом стала картезианская «теоретико-познавательная» постановка вопроса о сущности мира и человека.

В правилах морали Декарт признает существование двух стратегий поведения: гносеологической, ориентированной на познание мыслящим индивидом внешнего мира, состоящего из объектов; и прагматической, связанной с правилами морали и призванной сделать *удобным* процесс познания мира. Если гносеологическая стратегия реализуется через метод сомнения, то прагматическая – ориентирует человека подчиняться авторитетам, правилам, традиции, существующим в культуре. В целом же человек играет две роли, имеет два вида бытия. Причем, гносеологически ориентированная стратегия для философа является более ценной, но во взаимодействии с другими людьми познавательная деятельность должна быть сокрыта под личиной морального (правильно действующего) субъекта.

В дальнейшем философская рефлексия выделяет гносеологическую стратегию. Объектом философских размышлений становится единственно сфера познания мира. Метод Декарта дополняется эмпирически ориентированными философскими концепциями Локка, Беркли и Юма.

Реализация прагматической стратегии не предполагала рационального (т.е. с опорой на научные знания) элемента в планировании поведения. По сути, со времен Декарта прагматическая стратегия реализовывалась для удобства в процессе решения гносеологических задач. Она подразумевала демонстративное поведение. Открыто субъект представлял себя абсолютно конформным к ожиданиям других. Он не противоречил традиции. Но, надевая маску, мыслящий индивид получал возможность адаптироваться, покупая себе свободу.

Выдвигается гипотеза, что моральные правила, установленные Декартом, утверждают скрытый дискурс. Деконструкция философских текстов позволила установить, что дискурс *другого*, выступающий спутником когитального «Я», формируется параллельно «Я», но первоначально не эксплицируется, не проявляется. Но именно он придавал всей концепции атомарного индивида правдоподобность и целостность.

Внимание к познавательной установке философского поиска позволяет эксплицировать важнейшие темы европейской культуры: тему свободы и тему взаимодействия. Проблематизация темы свободы как актуальная культурная установка в европейской письменной традиции обнаруживается в то время, когда утверждается дискурс *другого*. В этом ключе модернистская философия являет собой смену культурных эпох: от внимания к своему «Я» к интересу и признанию существования *другого*. Утвердившаяся таким образом установка на взаимодействие проблематизирует ориентирование человека в жизненном мире (в мире когнитивных, прагматических и др. смыслов).

Во втором параграфе «Генезис и легитимация дискурса *другого* в европейской гуманитарной мысли» производится деконструкция дискурса *другого* как персонально-субъектной артикуляции феномена, обозначенного в классической традиции как «свое-иное». Генезис дискурса *другого*, иными словами – постановка

вопроса, придание ему проблемного характера, определение и становление правил исследования (методологического основания, техники исследования и понятийного аппарата) – связываются с философией Э.Гуссерля. Легитимация дискурса *другого* связывается с феноменологической онтологией Ж.-П. Сартра.

Концепция трансцендентальной субъективности и постановка проблемы *другого* была предложена Э.Гуссерлем в рамках феноменологии, где автор раскрывает трансцендентальное бытие как монадологическую intersубъективность. *Другой* выполняет для субъекта конкретные функции: он обеспечивает для субъекта возможность существования объективного мира; благодаря осуществлению тематического *ἐποχή* внутри трансцендентальной сферы, он абстрагируется от *других* для того, чтобы установить границы «моего собственного» внутри горизонта своего трансцендентального опыта.

Процедура конституирования *другого* содержит два основных шага. Первый – полагание чистого другого его, еще не наделенного мирообразующим смыслом. Второй – приведение в соприкосновение. *Другое* мыслится как аналог своего собственного. В силу своей смысловой конституции, указывает Гуссерль, *другое* выступает как интенциональная модификация объективированного *Я* субъекта, его первопорядкового мира. В то же время, *другой* – это парадоксальный феномен, который предъявляет себя, одновременно ускользая. Э.Гуссерль, говоря об аппрезентативной апперцепции (приведение-в-соприкосновение), описывает особый вид опыта: мы видим переднюю сторону вещи и додумываем все остальное. Здесь есть реверсия – скрытое содержание становится передней стороной. В результате, посредством аппрезентации субъекту становится доступным *originaliter* компонент *другого*. Однако, это не снимает проблему познания *другого*. Феноменология задается вопросом: а совместима ли ориентация на смысл с парадоксом опыта *другого*? *Другой* определенно располагает *по ту сторону смысла и понимания*.

Проблема *другого* в интерпретации Сартра открывает для субъекта иной способ существования. Только с открытием бытия-для-другого человеческая реальность оформляется, по мысли автора, в законченную/целостную структуру для-себя-для-другого.

Проблема *другого* в интерпретации Сартра выступает как опыт решения социальных проблем. *Другой*, наделенный теми же качествами, что и «Я», конструируется субъектом из структур-феноменов. Многовариантное прочтение образа *другого* лишает его сущностной определенности, снимает вопрос о границах познания и открывает вопрос об идентификации личности. Субъекту остается лишь пространство данной реальности, формирующей его опыт, и вопрос о существовании, где коммуникация выступает основополагающей характеристикой. Субъект знает о *другом* настолько, насколько тот включен в его мир. Субъект знает о *другом* по его поведенческим особенностям. Субъект не может включить в свой мир сознание *другого*. Знания о *другом* основываются на чувственном опыте субъекта (сюда можно включить взгляд, голос, осязание). Субъект выносит о *другом* исключительно опосредованные суждения.

Феноменология и дискурс *другого* изменили статус высказывания «субъект»: подвергли его опасности исчезновения. Субъект попадает в положение, которое всегда может быть завоевано вновь прибывшим, и которое нужно защищать от посторонних.

В третьем параграфе «Осознание жизненного мира как основа ориентирования и проекты поведения человека» проводится деконструкция понятия жизненного мира в соотнесении с его истоками (трансцендентальной феноменологией Э.Гуссерля) и проектами поведения человека в пространстве культуры. Жизненный мир понимается как мир смыслового опыта и выступает аттрактором, названным «познание».

Для Гуссерля введение понятия жизненного мира связано с пониманием им разума как жизненно значимого и этически определенного начала. Свою концепцию Гуссерль основывает на понимании человека как существа исторического и человеческого бытия как бытия, направленного к цели. При этом он отмечает принципиальное отсутствие иерархии целей. Любое стремление, будь то стремление к разуму, к самонормированию или энтелехии, заключено в человеке, и достойно быть рассмотренным как феномен жизни.

Трансцендентальную теорию объективного мира Гуссерль строит на основе трансцендентальной теории опыта *другого*. Результат познавательного опыта *другого* может быть использован и другим субъектом. Жизненный мир открывается как редуцированный мир объективной науки, как мир смыслового опыта.

Структура жизненного мира всегда раскрывает жизненный мир субъекта. Центром мира является человек, а бесконечно открытым горизонтом выступает культура, т.е. мир культуры дан как мир, ориентированный по отношению к некому нулевому звену, к личности. В представлении Гуссерля человек понимает, прежде всего, свою культуру. Следующий уровень понимания Гуссерль связывает с открытием для субъекта горизонта прошлого. Третий уровень открытия бесконечного горизонта культуры связан с пониманием (по необходимости) субъектом людей чужого ему мира. *Другого*, принадлежащего к чужому миру, субъект воспринимает, прежде всего, как человека вообще (т.е. подобного себе). При этом необходимо отметить, что Гуссерль исходит из понимания чужого мира как аномалии.

Сартр в целом принимает теорию Гуссерля, но вносит коррективы. Для него трансцендентальное сознание существует без субъекта, оно есть чистая безличностная активность, понимаемая автором как чистая свобода.

Тема свободы – центральная тема в творчестве Сартра. Ее стержневой идеей является констатация антагонизма между сознанием и бытием, субъектом и объектом, свободой и необходимостью, свободой и отчуждением, а также стремление найти их синтез и примирение.

«Отрицающая» природа сознания позволяет Сартру обосновать известный тезис его философии, согласно которому существование человека предшествует его сущности. Обобщив обозначенную позицию, можно сказать следующее: сознание дано человеку, чтобы овладевать реальностью, но в особой форме оно может преодолевать ее. Онтология сознания Сартра и понимание сознания как проектирующего бытия позволяет нам выделить три проекта существования. Вместе они задают ориентиры поведения человека в пространстве культуры и отражают фундаментальный проект личности. Понимание Сартром бытия как «человеческой реальности» позволяет нам интерпретировать этот термин в концепции Сартра как культуралистскую редукцию трактовки жизненного мира.

Сартр усиливает стремление Гуссерля свести жизненный мир к культуре, раскрывая его через исторически детерминированную практику. Для Сартра жизненный мир выступает нетематическим горизонтом, окружающим тематически

выделенную ситуацию. Ситуация, тематически заданная, предполагает вызов, на который должен быть выработан механизм ответа. Тематическое выделение ситуаций соответствует трем выделенным проектам. Первый проект характеризует чувственное, целостное восприятие мира. Второй – обновляет традицию атомарного индивида и отражает искусство существования между свободой и выбором. Наконец, третий – характеризует поведение субъекта при взаимодействии с *другим*, опираясь на идею интерсубъективности.

Во второй главе «Проекты поведения человека в жизненном мире (ситуация модерна)» проводится экзemplярный анализ проектов существования, выделенных из онтологии сознания Сартра, – интерпретация модернистской установки философского поиска. Проекты существования, опирающиеся на очищающую рефлексию, характеризуют концепцию Сартра как этикоцентристскую. Они показывают те связи субъекта с миром, которые обостряют осознание своей активной роли.

В первом параграфе «Конституирование мира посредством дорефлексивного cogito» деконструируется концепция Сартра о *дорефлексивном cogito*. Основная установка Сартра – замечание Гуссерля, что cogito Декарта имеет некое основание, дающее возможность рефлексии. Это основание в концепции французского философа получает название *сознания*. Дорефлексивное сознание является неосознанным, но не бессознательным, тем более, не врожденным и биопсихологическим. В общей структуре дорефлексивное сознание предшествует чистому акту самосознания. Эмоционально целостное, но неискреннее отношение к действительности устраняется посредством очищающей рефлексии.

Конституирование мира посредством дорефлексивного cogito вскрывает «зазоры сознания». Неполагающее себя сознание и модус пассивности дает человеку необходимые скрепы, позволяющие сохранить относительную константность мира в череде постоянно меняющихся ситуаций и требований к переживанию их. Это сознание не может конституировать мир как доступный каждому, в гуссерлианском понимании. Направленное на все объекты, кроме себя самого, нететическое сознание не может конституировать *другого*.

Во втором параграфе «Фундаментальный проект существования: конструирование личного образа» проводится деконструкция индивидуального проекта существования человека, отраженного в концепции свободы Сартра.

Очищающая редукция, осуществляемая индивидом при помощи феноменологического метода, ставит человека перед действительностью, от которой у него уже нет возможности отстраниться. В представлении Сартра человеческая реальность имеет принципиально незавершенный проект ввиду отсутствия окончательного смысла истории. Поскольку прошлое может быть осмыслено и оценено исходя из будущего, которого нет, окончательный смысл бытия человека может быть раскрыт после смерти и только относительно интерпретатора.

Описание проекта человеческого существования Сартр проворачивает в русле экзистенциально-психоаналитического метода, детальное обоснование которого он дает к работе «Критика диалектического разума». Посредством этого метода раскрывается фундаментальный проект личности. Проект символизируется в каждом отдельном поступке, жесте и т.д. Путем сравнительного анализа различных действий личности, через наблюдение, документы и свидетельства о жизни проект может быть

расшифрован. Фундаментальные проекты могут со временем меняться. В соответствии с этим нужно менять и средства расшифровки.

Фундаментальный проект существования необходим для конструирования себя и возможности «означать». Рефлексия выступает необходимым условием проекта. Потребность человека в проекте связана с желанием иметь личный образ, что, в свою очередь, показывает: первейшим условием существования человека является желание обозначить «свое».

В третьем параграфе «Конфликтный проект поведения: желание быть для другого или обязанность быть для себя?» проводится деконструкция проекта, характеризующего поведение человека в жизненном мире по отношению к *другому*.

В концепции Сартра в мире смыслового опыта стороны переживают диалектическое отношение друг к другу, находятся в вечном конфликте. Проект конфликта, представляет собой опыт взаимодействия субъекта, занимающего активную позицию, – субъекта, добровольно отстаивающего границы собственной свободы и переживающего противоречия сознания. Главное внимание Сартр фиксирует на негативной, отчуждающей функции сознания как свободы.

Свобода *другого* не может быть полностью отчуждена потому, что в своем поведении человек ориентируется на принятые в обществе нормы и ценности. Однако, рефлексивное сознание, интенционально выраженное к объекту, в первую очередь, конституирует самое себя. Высказывая мнение, что понятие трансцендентального субъекта является полезной фикцией, Сартр получает возможность показать, что его, являясь центром, из которого происходит конституирование мира, способно для себя создавать нормы и ценностные ориентиры. На этом основании конфликт является основным проектом существования в обществе. Являясь таковым, конфликт должен преодолевать отвергаемую реальность. Конфликт – это, в некотором смысле, ответ на вызов своего сознания. Проблематичность существования человека в мире для Сартра характеризует выбором между желанием быть для другого или обязанностью быть для себя.

Проекты существования человека в жизненном мире, эксплицированные в теории Ж.-П.Сартра, позволяют описывать культурную ситуацию эпохи. В качестве иллюстрации приведен жизненный проект существования интеллигента в пространстве советской культуры.

В третьей главе «Постмодерн: от построения проектов к их тотальной критике» проанализирована попытка утверждения новых ориентиров поведения человека в постмодернистской философии. На основе концепции соблазна Ж.Бодрийера конструируется коммуникативная стратегия поведения человека в жизненном мире, ориентирующая отказаться от проектов и принять правила ситуативного саморегулятора.

В первом параграфе «Ситуация постмодерна: новое положение аттракторов» выявляются основные изменения в характере философствования. Анализируются три фундаментальных смещения: эпистемологическое, субъектное и языковое. В целом эти изменения показывают новую культурную ситуацию, характерную для современного европейца.

Постмодернистская философия описывает жизнь человека в дискретных ситуациях, недоступных систематизации и масштабному ориентированию. Она признает неспособность проектов отражать и познавать действительность и

находится на пути поиска тотального отказа от них. Новым принципом ориентирования в аксиологически плюральном мире признано моделирование правил и норм поведения.

Нормы и правила не приведены более в системное целое, передаются диффузным образом, образуют сложную игру элементов, которые компенсируют и корректируют друг друга, в некоторых случаях даже друг друга отменяют, делая, таким образом, возможными компромиссы и уловки. В этом случае под «моралью» понимается способ, которым индивиды принимают некоторую совокупность ценностей. В основе такой установки лежат принципы детрансцендентализации.

Во втором параграфе «Соблазн: теоретическая модель ориентирования современного человека» рассматриваются особые регулятивные стратегии межличностных и межкультурных коммуникаций, характерные для современного человека. Обосновывается теоретическое основание стратегии соблазна как основного ситуативного регулятора в жизненном мире.

Соблазн фиксирует изменение принципов ориентирования человека в современной культуре. Жизненный мир, как пространство смысла, подвергается моделированию со стороны человека. Фундаментальный проект, ориентирующий деятельность, более не отражает ситуацию в мире и, опираясь на него, человек не имеет возможностей реализовать себя в полной мере. Скрепам в ориентированной деятельности выступает уже не система ценностей, но правила и нормы, установленные самим человеком в границах той ситуации, которую он переживает. Устанавливаемые произвольно, правила и нормы так же произвольно модифицируются и отменяются. В этом случае поведение человека в целом обретает вид игры. Привлекательность игры и ее особенности как практики социальной жизни позволяют наилучшим образом достигать цели. Не опираясь на удовольствие, игра приносит удовлетворение от процесса, в полной мере отвечает принципам обольщения. Игра, подчиняющаяся правилу и ритуалу, снимает тяжесть отчужденности. Не являясь возвратом к архаичным практикам, она, скорее, выражает стремление человека к искусственному, стремление оторгнуть себя от природы, инстинктов. Комфорт современной жизни обеспечивает удовлетворение базовых потребностей, оставляя время и обостряя желание удовлетворять потребности вторичные, искусственные. Дуально-дуэльная форма отношений возможна, когда человек чувствует свою безопасность от природы. Но в то же время, он нуждается в острых ощущениях и в этом контексте соблазн придает вкус жизни, является «приправой».

Такое моделирование возможно, когда индивид благожелательно воспринимает динамичную смену жизненных ситуаций и в целом настроен на восприятие новаций. Важно личное участие в конструировании норм и правил действия по ситуации, умение определять границы и особенности ситуаций. В этом случае ситуативный саморегулятор заменяет масштабные этикоцентристские ориентиры.

Соблазн ярко демонстрирует возможности ситуативного саморегулятора. Он открывает и доказывает конструктивность непонимания. Он блокирует дискурс власти. Соблазн не отрицает рациональность, но создает рациональность нетрагичную, камерную, ситуативную. Трагичность и негативность «непонимания» в экзистенциализме переосмысливается на основе практик соблазна как глубоко позитивный по содержанию источник мультикультурности, мультисубъектности, толерантности.

В третьем параграфе «Практики соблазна в политической сфере» реконструируется стратегия соблазна в российской повседневности. В качестве исследовательского поля предлагается область политических действий. Реконструкция опирается на наблюдения за ходом избирательной кампании в Законодательное собрание Пермской области.

Выдвигается гипотеза, что политическое поведение и граждан, и государственных институтов в крупном российском городе включает игровые практики соблазна. Концепция соблазна предоставляет исследователю возможность рационализировать, иначе говоря, редуцировать к осознанному стремлению граждан реализовывать свои права. Соблазнительный дискурс подходит к ситуации, когда при отсутствии политического пространства функционируют политические институты и производятся ритуальные акты политического содержания. Этим он меняет назначение политического: от сферы общественного к области желания. Общее в обоих случаях – стремление к достижению цели, но в одном случае – через договор, а во втором – через игру. Иными словами, соблазн трансформирует само определение политического. Теперь это стремление каждой из сторон достичь своей цели, но не открыто, а, используя игровые практики, в правила которых может быть допущено абсолютно все.

В заключении в сжатом виде представлены результаты деконструкции философского дискурса, посвященного проблеме ориентирования человека в пространстве культуры.

Философский дискурс – тематический набор высказываний – в открытой форме провозглашает манифест познающего и мыслящего субъекта. Деконструктивное усилие вскрывает дискурс и обнаруживает фрагментарные единства – концепты – не пригнанные друг к другу, не согласованные друг с другом. Смещения и разрывы, показанные деконструкцией, выявляют рассеивания мысляще-познающего субъекта.

Деконструкция философского дискурса позволила выявить динамику ориентаций европейца, построить теоретическую культурологическую модель ориентирования современного человека в жизненном мире.

Концепция атомарного индивида выступает специфической установкой философского поиска, утверждающей эпистемологические возможности философии. Философский дискурс Нового времени рассматривает человека в качестве конечного и автономного субъекта всех гносеологических и прагматических стратегий. Здесь стратегия понимается как наиболее общий план действия. В новоевропейской традиции дискурс сгущается в точке «Я», которая проходит сквозь все составляющие, и в которой совпадают «Я-сомневаться», «Я-мыслить», «Я-существовать».

Феноменология осуществляет попытку объяснить сосуществование множества индивидов. Исходя из субъективности, Гуссерль раскрывает понятие жизненного мира как мира смыслового опыта. Необходимость в конституировании картины мира приводит к обнаружению *другого*, концепт которого обозначился на переднем плане современного философского дискурса. Он вытеснил классический вопрос о субъекте и объекте. Это вытеснение и выдвигание не было неожиданным и не связано с выгодой говорящего (т.е. с выгодой философского дискурса). Уже у И.Канта можно найти размышления о чужом разуме. Проблема признания *другого* обсуждалась в «Феноменологии духа» Г.В.Ф.Гегеля. Фундаментальная онтология М.Хайдеггера обращает внимание на деструкцию субъектно-объектного различия. Проблема *другого* была поставлена и Э.Гуссерлем в аспекте интерсубъективности.

Своеобразие современных дискуссий о признании *другого* во многом определяется сближением философских, антропологических, социально-культурных, политических проблем. Сквозная тема всех дискуссий – признание нередуцируемости различных форм рациональности, нравственности, этичности, культурности к универсальному базису, позволяющему оценивать эти формы как более или менее развитые модусы единой субстанции.

Дискурс *другого* изменяет соотношение между я и мы-идентичностью. Основная схема Я - *другой* вводит в дискурс принцип обратимости: роли говорящего и слушающего способны обращаться. Как наследие концепции атомарного индивида, дискурс *другого* охраняет принцип автономного существования, выражая заботу о способности отличаться от *другого*.

Прежде всего, образ *другого* становится условием, при котором перераспределяются друг относительно друга не только субъект и объект, но также фигура и фон, окраины и центр, движение и ориентир. *Другой* выступает условием, при котором можно перейти из одного мира в другой. Он всегда воспринимается как некто иной, но в своем концепте *другой* является предпосылкой всякого восприятия, как иных, так и нас самих.

И здесь образ *другого* в философском дискурсе претерпевает эволюционные изменения. Отношения перенесения служат предпосылкой возникновения таких составляющих концепта *другого*, которые считают, что *чужое* (например, чужая речь) актуально в *моей* собственной речи. Идея респонзивности, выдвинутая Б.Вальденфельсом, позволяет воспринимать *другого* не как «свое-иное», а как *радикально другое*. Респонзивная установка дает вступить в разговор *другому* именно как *чужому*; не пытается определить *другому* место в существующем порядке (т.е. в первопорядковой сфере субъекта); не лишает *другого* его чужеродности (т.е. составляющего «*originaliter*»).

Респонзивность в речи не только дает возможность заговорить *другому*, но и позволяет ему ответить. Важно, что ответ будет услышан и принят. Респонзивность смещает начало дискурсивных высказываний. Другими словами, слушание чужого погружает индивида в многомерный смысловой ландшафт и он не может определить собственно ему принадлежащие высказывания. «Респонзивность состоит не просто в том, что я здесь и сейчас могу предложить в качестве ответа, но в том, что моя речь, любая речь сама начинается не здесь»¹.

Проблема интерсубъективности выгодно используется экзистенциальной традицией и рассматривается в аспекте учреждения личной идентичности поверх всех интерсубъективных контекстов.

Этически ориентированная модернистская концепция Ж.-П.Сартра раскрывает противоречивую динамичность сознания: от заблуждения и самообмана через очищающую рефлексию к искренности. В этикоцентристской установке Ж.-П.Сартра жизненный мир выступает нетематическим горизонтом, окружающим тематически выделенную ситуацию. Она предполагает вызов, на который должен быть выработан механизм ответа. Тематическое выделение ситуаций соответствует трем выделенным проектам. Под проектом понимается способ поведения, содержащий определенную последовательность действий, направленных к реализации конкретных целей; действия, в свою очередь, являются звеньями реализации стратегических целей.

¹ Вандельфельс Б. Мотив чужого. Мн., 1999. С. 32.

Ориентирование, как видно на примере философии Сартра, связывается с ценностно-нормотворческой деятельностью и является модернистской артикуляцией концепции атомарного индивида. Дискурс *другого*, лишая субъекта константной человеческой природы и высказывая формулу «я такой, каким *другой* меня видит», привносит в повседневную жизнь субъекта множество ролей и, соответственно, множество возможностей. Этот дискурс, высказанный философской рефлексией, объясняет побуждения людей к постоянному взаимодействию. Установка на коммуникацию заставляет индивида рационально корректировать эмоциональные и аффективные реакции для успешного достижения цели.

Совпадение ориентиров индивида и *другого* для новоевропейского и модернистского дискурсов является условием достижения взаимопонимания. Здесь ориентирование имеет трансцендентальное обоснование: правильно действующий разумный индивид тот, кто *претерпевает* ситуацию. Действия такого индивида в одном случае опираются на категорический императив, а в другом – на стремление к свободе.

Трансцендентальная установка во всех случаях ясно задает вектор ориентирования. Здесь мораль связывается с совокупностью ценностей и правил действия, которые предлагаются индивидам и группам посредством различных предписывающих аппаратов (семья, церковь, образовательные институты). Эти правила и ценности явным образом формулируются в виде связной доктрины. Это может быть апелляция к Богу, утверждение свободы как буржуазной ценности. Это могут быть и маргинальные высказывания, например, «поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой».

Рассмотрение европейского философского дискурса позволяет увидеть, что познавательная деятельность субъекта производит высказывания, обладающие особой смысловой притягательностью. Аттрактор «познание» направляет смыслы на решение проблем индивида, связанные с удовлетворением потребностей. Иными словами, в процессе познания индивид особенно выделяет смыслы, притягательные своей прагматичностью. Использование смыслового аттрактора его автором всегда связано с доказательством в авторской интерпретации пользы и выгоды, с наилучшим вариантом интериоризации. В этом аспекте можно говорить о производстве ценностных смыслов. Ответ на вопрос «Что есть Благо?» в своем основании содержит когнитивный аспект.

В целом манифестации философского дискурса утверждают структуры власти. Современная ситуация ацентризма задает новое видение власти как самоорганизующегося процесса конфликтующих отношений, пронизывающих весь социум. Поэтому структуры власти лишены иерархической привилегии; они принципиально децентрированы и являются образованиями, специфика которых в том, что они «везде». Импульс действия, актуализируемый волей к власти, и придание ему направления связан с опытом освоения различных моделей поведения человека в конкретных ситуациях. Широкий спектр социального действия (как правило, фундированного освоением множества социальных ролей) требует активизации запаса знания. М.Фуко, Ж.Бодрийяр, Р.Барт и другие современные философы выводят определенную зависимость между тезаурусом человека и его способностью к целеполаганию и целедостижению.

Постмодернистский философский дискурс, редуцируя смещенный на письмо логоцентризм, раскрывает перед деконструкцией игровое пространство истолкования.

Он показывает, что смыслы, производимые дискурсом, распределяясь в структурах открытой ризомы, ситуативно преломляются.

Ризома ориентации в целом способна удерживать локальные дезориентации. Разум, который ориентирует таким способом, может находиться «по ту сторону принципов». При всегда меняющихся жизненных условиях это позволяет мобильно изменять ориентации в ограниченном пространстве и времени. Ориентация из географического определения становится пространственно-временной: она складывается и из языка знаков, и из языка времени. На смену проектам постмодернизма предлагает ситуативные саморегуляторы. Наиболее ярким примером здесь может выступать коммуникативная стратегия *соблазна*. Стратегия в этом случае понимается как возможный, в соответствии с правилами игры, способ действия игрока.

Несмотря на декларацию тотальной критики предшествующей философии, постмодернисты не только сохранили за человеком способность к творческой и преобразующей деятельности, но и усилили этот аспект жизни человека. Критика постмодернистской философии открывает новые горизонты философствования, расширяет тематическое поле рефлексии.

Таким образом, деконструкция философского дискурса позволила выявить четкий сдвиг культурных эпох. В качестве обоснования сдвигов предложено рассматривать схему ориентирования человека в жизненном мире. Классическая эпоха показывает индивида – «мыслящую статую», который стремится к познанию мира и самого себя путем сомнений. Модернистская эпоха демонстрирует индивида, ищущего *свое* в *другом*, стремящегося к пониманию *другого*. Поэтому для него важно сделать свое поведение ясным, точным, фундаментально проектируемым. В то же время, классическая традиция требует свободы собственного «Я». Стремление понять *другого* сталкивается с осознанием факта, что *другой* является ограничителем свободы. В недрах культурной традиции «Я» моя свобода, мое мышление, моя трансцендентальность теряют устойчивое положение перед осознанием необходимости признать *другого*.

Философский дискурс, рассмотренный в преломлении к проблеме ориентирования человека в мире смыслов, обнаруживает парадоксальное состояние индивида в современном социуме. Индивид увидел *другого* и признал в нем оригинальность. Ценность *другого* и внимание к нему ведут к сознательному отказу от высшей целесообразности поведения. В результате индивид постоянно самостоятельно, индивидуально, ситуативно пытается соотносить свое поведение с поведением других людей. Однако, именно это дезориентирует его, мешает смыслы, вокруг которых происходит конституирование собственного мира. В результате тема ориентирования из маргинальной становится *выгодной* темой философского дискурса. Дискурс генерирует проблемы: диалога культур, идентичности, толерантности и др.

Список основных публикаций по теме диссертации

1. Удовольствие от соблазна: экспликация стратегии поведения в философских дискурсах //Феномен удовольствия в культуре. Материалы международного форума 6-9 апреля 2004 г. – СПб.: Центр изучения культуры, 2004. С. 323-326.
2. Ситуация влюбленного: конфликтный проект поведения //Ученые записки гуманитарного факультета. Выпуск X. – Пермь: РИО ПГТУ, 2004. С. 122-134.
3. Судьба как текст: импорт культурных образцов как стратегия поведения //Studia culturae. Выпуск 5. Альманах кафедры философии культуры и культурологии и Центра изучения культуры философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 215-218.
4. Я и Другой в европейской философской традиции XX века //Молодежная наука Прикамья. Сборник научных трудов. Выпуск 2. Пермь: ПГТУ, 2002. С. 287-292.
5. Тема Другого в философии Ж.-П. Сартра //Ученые записки гуманитарного факультета. Выпуск VI. – Пермь: РИО ПГТУ, 2003. С. 180-185.
6. Бытие-для-другого: к определению проектов поведения человека в жизненном мире //В круге культуры. Сборник научных статей по проблемам культуры, посвященный памяти профессора В.Л.Соболева. – Пермь: РИО ПГТУ, 2003. С. 174-182.
7. Стратегии спроса и стратегии потребления массовой информации в российской провинции //Ученые записки студентов и аспирантов гуманитарного факультета. Выпуск IX. – Пермь: РИО ПГТУ, 2003. С. 45-47.
8. Стратегия соблазна в пермских политических кампаниях //Панорама исследований политики Прикамья: Альманах. Вып.1. – Пермь: Пермское книжное изд-во, 2003. С.61-66.
9. Проблема человека в философии А.Камю //Переходные периоды в смене культурных эпох. Сборник статей межвузовской научной конференции, посвященной 75-летию Н.З.Короткова. – Пермь: ПГТУ, 2001. С. 105-110.
10. Ориентация на новацию: современные особенности конструирования реальности //Культурный шок и повседневность. Интернет-конференция. <http://www.auditorium.ru/aud/v/index.php>
11. Стратегии коммуникативного поведения в зеркале идентификации //Культура “своя” и “чужая”. Интернет-конференция. <http://www.auditorium.ru/aud/v/index.php>
12. Просвещение как метарассказ, или о бережном отношении к классическому наследию //Историческая культурология. Интернет-конференция. <http://www.auditorium.ru/aud/v/index.php>
13. Европейский философский дискурс о проблеме ориентирования человека в жизненном мире: к постановке проблемы //Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в вузе, техникуме, школе: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (29 апреля 2004 г.). Т. 2. – Пермь: РИО ПГТУ, 2004. С. 20-24.
14. Забота о себе как проект поведения: роль образования в презентации себя другому //Образование в культуре и культура образования. Материалы межрегиональной научно-практической конференции 20-21 марта 2003. Часть I. – Пермь: РИО ПГИИК, 2003. С. 59-64.

15. Воля к власти в проекте заботы о себе //Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в вузе, техникуме, школе: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции (27 мая 2003 г.): В 5 т. Т. 2 /Перм. гос. техн. ун-т. – Пермь: 2003. С. 117-119.
16. Автоматизмы повседневности в экзистенциальном проекте заботы о себе //Культурный мир меняющейся России. Материалы всероссийской конференции студентов, аспирантов, докторантов «Майские чтения» (14 мая 2003 г.). – Пермь: ЗУУНЦ, 2003. С. 10-13.
17. О потребительских стратегиях соблазнительной информации //Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. Материалы 13-й международной конференции молодых ученых 26-30 декабря 2002 г. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. С. 319-322.
18. Отказ от традиций Просвещения в РМ художественном проекте //Периферийность в культуре XX века. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 27-28 июня 2001 года. – Пермь: РИО ПГУ, 2001. С. 36-38.
19. Еврейство в европейской философской мысли //I Астафьевские чтения: (17 – 18 мая 2002 года). – Пермь: Мемориал. центр истории полит. Репрессий «Пермь-36», 2003. С. 147-150.
20. Искусство как повседневность, или миф об элитарном //Миф и рациональность в XX веке. Материалы четырнадцатой Всероссийской конференции студентов, аспирантов, докторантов «Майские чтения». Пермь: РИО ПГТУ, 2002. С 25-26.
21. Массовое общество как конец социального //Массовая культура как феномен XX века. Тезисы докладов научной конференции 14 мая 2001 года. Пермь: РИО ПГТУ, 2001. С. 2-3.
22. Теория кризиса культуры в эстетике Х.Ортеги-и-Гассета //Человек на изломе культур. Тезисы докладов VI Всероссийской научной конференции аспирантов и студентов 12 мая 1998 г. – Пермь: РИО ПГТУ, 1998. С. 69-71.
23. Теория кризиса культуры в эстетике К.Ясперса //Культура. Цивилизация. История. Тезисы докладов научной конференции студентов и аспирантов 13 мая 1999 года. Пермь: РИО ПГТУ 1999. С. 77-78.
24. Проблема кризиса культуры в исторической перспективе //Культура: эпохи и ритмы. Тезисы докладов научной конференции 12 мая 2000 года. – Пермь: РИО ПГТУ, 2000. С. 98.

Смоляк Ольга Алексеевна
Европейский философский дискурс
о проблеме ориентирования человека в жизненном мире:
от модерна к постмодерну
Автореферат

Сдано в печать _____ Формат 60x84 ¹/₁₆
Объем 1 уч.изд.л. Тираж 100 экз. Заказ № _____
Ротапринт ПГТУ